

РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗА ТИЛЯ УЛЕНШПИГЕЛЯ В РОМАНЕ ДАНИЭЛЯ КЕЛЬМАНА «ТИЛЬ»

О. А. Овчинникова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

alisa_ram41@mail.ru;

науч. рук. – О. Ч. Гронская, канд. филол. наук

В данной работе рассматривается рецепция образа Тиля Уленшпигеля в романе Д. Кельмана «Тиль». Тиль в романе Д. Кельмана, как и его предшественник из народной книги, представляет собой сложный и многогранный образ. Он является фигурой, отражающей кризисное состояние эпохи. Исключительность этого персонажа позволяет ему выступать в роли двигателя сюжета. В некоторых аспектах он схож с Тилем из народной книги: для него также характерен статус социального аутсайдера, он не лишен озорства, он обладает свободой шута, его поступки также можно трактовать в дидактическом ключе. Однако в отличие от средневекового Уленшпигеля, который, хоть и отличался хитростью и интеллектуальным превосходством над другими, не мог быть понят как «мудрый дурак» и не стремился с помощью своих выходок научить людей чему-то, Тиль в романе Кельмана может быть интерпретирован как просветитель. Кроме того, Тиль является воплощением неразрывной связи между смертью и смехом во время войны. При этом яркой чертой Тиля является его воля к жизни, которая позволяет ему выжить в любой ситуации.

Ключевые слова: интерпретация; народная книга; рецепция; Тиль Уленшпигель; художественный образ; шут.

Тиль Уленшпигель – одна из самых известных и узнаваемых фигур в немецкой литературе и культуре. Неоднозначность и символичность образа средневекового шута позволила множеству авторов разных времен и разных культур использовать фигуру Тиля в своих произведениях, помещая персонажа в разные условия и придавая ему новые черты. На протяжении пятисот лет образ Тиля Уленшпигеля пережил множество переработок и интерпретаций в самых разных жанрах литературы: романах, комедиях, стихах. Кроме того, он нашел воплощение и в других видах искусства, в многочисленных музыкальных произведениях, фильмах, балете, комиксах, а также в повседневном контексте.

Первым произведением, в котором встречается фигура Тиля Уленшпигеля, является анонимная немецкая народная книга о Тиле Уленшпигеле, датируемая началом XVI века. Она представляет собой сборник шванков – кратких историй юмористического характера. Книга повествует о жизни Тиля Уленшпигеля, который странствует по миру, живя случайными заработками и нарушая привычный уклад жизни людей своими непредсказуемыми выходками. Тиль Уленшпигель, изображенный в народной книге, имеет статус социального аутсайдера, что позволяет ему действовать вне общества и принятых в нем норм, пользуясь свободой шута. С этим связан так называемый гробианский аспект, проявляющийся в грубом поведении Тиля с подчеркнутой демонстрацией телесного в нем.

Уленшпигель может выступать в роли обличителя общественных пороков, однако его проделки иногда не имеют обоснования и являются следствием свойственного ему озорства. При этом он часто оказывается победителем в разных ситуациях, демонстрируя явное интеллектуальное превосходство и хитрость.

Тиль Уленшпигель завоевал огромную популярность в литературе, прежде всего немецкоязычной. С момента выхода в свет первого произведения с участием этого персонажа и до наших дней Тиль появлялся на страницах самых разных текстов, раскрывавших все новые и новые возможности интерпретации этого образа. В ранних произведениях ему отводится место негативного персонажа, поступки которого призваны служить «плохим примером», предостережением и уроком для читателей. Здесь можно упомянуть произведения Г. Сакса, И. Фишарта, латинские поэмы И. Немиуса и Э. Периандера.

В более поздних переработках Тиль становится положительным персонажем, а его образ раскрывается с новых сторон, часто приобретая неожиданные интерпретации. Иногда Уленшпигель выступает в роли безобидного шутника, не желающего причинять вред людям и разыгрывающего их из присущего ему озорства (такова, например, знаменитая детская книга Э. Кестнера). Существовал и другой Уленшпигель – разочаровавшийся и смирившийся со своим бессилием аутсайдер, каким он представлен, например, в романе Г. Гауптмана «Проделки, мошенничества, видения и сны великого боевого летчика, бродяги, мошенника и волшебника Тиля Уленшпигеля», где герой заканчивает жизнь самоубийством. В XIX и XX вв. фигура Тиля Уленшпигеля нередко использовалась в политическом и идеологическом контексте, где Тиль становится революционером и защитником угнетенных. В связи с этим в первую очередь стоит упомянуть роман Ш. де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле и Ламме Гудзаке».

В 2017 году Тиль появляется на страницах романа одного из важнейших современных немецких писателей Д. Кельмана (Daniel Kehlmann, 1975). Роман посвящен Тридцатилетней войне, тяжелому времени в истории Европы, которое в особенности принесло огромные потери Германии. Кельман помещает фигуру Тиля Уленшпигеля в центр военных действий и даже дает роману название по имени этого персонажа. Тиль сложно назвать главным героем, однако его непростой образ заслуживает детального рассмотрения.

Тиль Уленшпигель присутствует во всех главах романа Д. Кельмана, события в которых подаются разрозненно и прямо не связаны между собой. Изначально роман о Тридцатилетней войне вообще не предполагал наличие такого персонажа. В одном из интервью Кельман объяснил, что в условиях того времени, когда люди были привязаны к месту, где они родились, и могли общаться лишь с людьми из того же социального слоя, что и они, ему

был необходим кто-то подвижный, кто может взаимодействовать с людьми из разных слоев населения. И именно известный немецкий шут Тиль Уленшпигель стал идеальным персонажем для этого.

В отличие от Тиля из народной книги, который в зависимости от ситуации и людей перед ним примеряет разные роли, лишь притворяясь врачом, художником, ремесленником или надевая колпак придворного шута короля, Тиль в романе Кельмана действительно владеет разными способностями, что позволяет ему объединять в себе множество ролей: он танцор, музыкант, канатоходец, акробат, жонглер, актер. Способности Тиля, к которым у него, очевидно, талант, кажутся чем-то исключительным, а весь образ персонажа, который появляется в поле зрения так же внезапно, как и исчезает, представляется чем-то сверхъестественным. Это замечают окружающие уже с самого детства героя, а у доктора Кирхера закрадываются подозрения о связи мальчика с дьявольскими силами: «*Wie hält er da oben das Gleichgewicht? Doktor Kircher kann nicht anders, er lächelt verkrampft. Der Junge lächelt nicht zurück. Unwillkürlich fragt Doktor Kircher sich, ob das Kind ebenfalls vom Satan berührt ist*» [5, S. 142–143] («Як ён там, уверсе, трымае раўнавагу? Доктар Кірхер не вытрымлівае і сутаргава ўсміхаецца. Хлопчык не ўсміхаецца ў адказ. Міжволі доктар Кірхер задаецца пытаннем, ці не крануты сатаной і хлопчык») [1, с. 100]. Кирхер удивляется мастерству и ловкости юного Тиля, помогающим ему удержаться на канате. При этом он называет дьявола «владыкой воздуха» («*Herr der Luft*»), что является намеком и на Тиля. Сам Уленшпигель в главе «*Herr der Luft*» говорит, что в него вселился дьявол.

Перемещенный в тяжелое и кровавое время в истории Германии и всей Европы – период Тридцатилетней войны, – Тиль представляет собой кризисную фигуру, отражающую абсурдность и мимолетность человеческой жизни. Как отмечает Л. Мэдинг, «его буквальная легкость, выражающаяся в виртуозной ходьбе по канату, в искусстве жонглирования, за которым с трудом может уследить глаз, а также в его внезапном появлении и столь же внезапном исчезновении, смущает и тревожит зрителя и в то же время является лишь концентрированным отражением мира» [6].

Статус социального аутсайдера, который характеризует Тиля из народной книги, является показательным и для Тиля в романе Кельмана. Лишившись отца в раннем детстве, Тиль вынужден бежать и стать бродячим артистом, присоединившись вместе со своей спутницей Неле к Пирмину, который странствовал по миру, зарабатывая на жизнь развлечением публики. Тиль вынужден приспособливаться к обстоятельствам, чтобы выжить, однако путь интеграции в общество для него закрыт. Как говорил сам Кельман, Тиль отвергает процесс цивилизации и отражает враждебность к ней каждого человека [6].

Некоторое время Тиль также является шутком короля, очень хорошо вписываясь в эту роль, роль придворных шутов, «которые своими шутками разоблачают различные злые поступки, мысли, духовные пороки или недостатки характера. С одной стороны, это очень весело, с другой – очень жестоко» [8]. Однако Тиль у Кельмана не злобный, а сам автор говорил, что его герой представляет собой «нечто загадочное, опасное, что-то, что не вписывается в общество» [4]. Как придворный шут короля, Тиль обладает свободой, позволяющей ему говорить то, что другие ввиду сдерживающих их общественных норм сказать не могут: *«Na, warum hat die Majestät das denn gehört, du, Risenwanstling? Von mir gehört hat die kleine Majestät, die saublöde Majestät mit der goldenen Krone auf dem goldenen Thron, weil ich nach euch geschickt hab. Und hau mich nicht, ich darf das sagen, du kennst doch die Narrenfreiheit. Wenn ich die Majestät nicht saublöd nenne, wer soll das sonst tun? Einer muss es doch. Und du darfst nicht»* [5, S. 208–209] («Ну і з чого б гэта вялікасць нешта пачула, а, таўстануз? Яго маленькая вялікасць, тупарылая вялікасць у залатой кароне на залатым троне пачула пра мяне толькі таму, што я паслаў на вас. І не бі мяне, я магу такое гаварыць, ты ж ведаеш пра блазенскую свабоду. Калі я не назаву вялікасць тупарылым, хто ж гэта яшчэ зробіць? Але некаму ж трэба. А табе нельга») [1, с. 145]. В связи с этим Т. Коэнраадс отмечает, что хотя Уленшпигель не всегда находится в центре повествования и не является главным героем, он, резко контрастируя с другими персонажами романа, выполняет функцию катализатора, без которого многие события не произошли бы [3].

Во второй главе романа, повествующей о детстве Тиля, можно заметить, что мальчику свойственны те черты, которые присутствуют у Тиля из народной книги, а именно озорство, побуждающее его разыгрывать окружающих. Показательной является сцена, в которой Тиль подкидывает несколько маленьких камушков в тарелку, из которой ест помощник отца Тиля по имени Зэп. Разозленный проделкой мальчика, Зэп бросает его в реку, в которой Тиль мог бы расстаться с жизнью. Это первый раз, когда Тиль сталкивается со смертью: *«Sterben ist nichts, das begreift er. Es geht so schnell, es ist keine große Sache, mach einen falschen Schritt, einen Sprung, eine Bewegung, und du bist kein Lebender mehr. Ein Graschalm reißt, ein Käfer wird zertreten, eine Flamme geht aus, ein Mensch stirbt, es ist nichts! Seine Hände graben im Schlamm, er hat es auf den Grund geschafft»* [5, S. 31] («Смерць – нішто, ён разумее. Гэта так хутка, невялікая справа, зрабі няправільны крок, скачок, рух – і ты больш не жылец. Сцяблінка ламаецца, жука расціскаюць, польмя затухае, чалавек памірае, нічога, пустата! Яго рукі зарываюцца ў глей, ён дасягнуў дна») [1, с. 31]. Но в этот самый момент, когда Тиль находится в шаге от смерти, в нем рождается непреодолимая жажда жизни, которая потом будет сопровождать его на протяжении всего повествования в романе: *«Und da weiß er plötzlich, dass er heute nicht sterben wird. Fäden aus langem Gras streicheln ihn. Dreck kommt in seine Nase, er spürt*

einen kalten Griff am Nacken, hört ein Knirschen, spürt etwas am Rücken, dann an den Fersen; er ist unterm Mühlrad durch» [5, S. 46] («I тут ён рантам разумее, што сёння не памрэ. Сцёблы высокіх раслін гладзяць яго, глеё забіваеца ў нос, хлопчык адчувае халодны дотык на патыліцы, чуе скрыгат, адчувае нешта на спіне, потым на пятках; ён праскочыў пад млынавым колам») [1, с. 31]. Мальчик выживает. Обращаясь к исконному мотиву трехкратного крещения Уленшпигеля, Кельман сталкивает своего героя со смертью в раннем детстве, так что выжившего Тилья мать называет «дважды крещенным».

На протяжении всего повествования Уленшпигель не раз сталкивается лицом к лицу со смертью, однако каждый раз ему удается выжить, при том что окружающие его часто умирают. Сначала он спасается из реки, потом выживает, оставшись один в лесу. Лишившись отца, обвиненного в колдовстве и казненного на глазах сына, Тиль спасается бегством и снова выживает. Оказавшись на поле боя, Тиль также выбирается оттуда невредимым. Затем на глазах Тилья умирает король, который заболел чумой и мог бы заразить своего преданного шута, который шел с ним бок о бок, сопровождая короля до самого конца. Когда случается обвал шахты, Тиль решает, что он вообще не умрет: *«Ich geh jetzt. So hab ich's immer gehalten. Wenn es eng wird, gehe ich. Ich sterbe hier nicht. Ich sterbe nicht heute. Ich sterbe nicht!»* [5, S. 423] («Я найду. Я ж заўсёды гэтым кіраваўся. Калі робіцца цесна, я сыходжу. Я тут не памру. Я не памру сёння. Я не памру!») [1, с. 330]. И он действительно выбирается из-под обвала и снова выживает. Последней своей сказанной в романе фразой Уленшпигель, выживший на войне, формулирует жизненный принцип, являющийся основным свойством персонажа: *«Aber weißt du, was besser ist? Noch besser als friedlich sterben? [...] Nicht sterben [...]. Das ist viel besser»* [5, S. 473] («А ведаеш, што лепш? Яшчэ лепш, чым ціхамірна намерці? [...] Не паміраць [...]. Гэта нашмат лепш») [1, с. 330].

Герою романа Кельмана также свойственны черты просветителя. Особенно показательны в этом плане сцены, взятые Кельманом из народной книги. В первой главе изображена известная история, в которой Тиль, натянув над деревней канат и развлекая людей, в конце просит каждого присутствующего снять свой правый ботинок и выкинуть его. Когда люди исполняют поручение шута, он смеется над ними, называя их дураками. После того, как Тиль говорит толпе подобрать свои ботинки, начинается страшная драка, в результате чего многие люди пострадали, а один из жителей даже погибает. Тиль показывает людям, к чему может привести наивное послушание и бездумное выполнение любых поручений. Так как события главы происходят уже тогда, когда Тиль приобрел популярность среди людей и стал любимцем публики, его слава и поручения могут восприниматься людьми как нечто авторитетное. Это заставляет задуматься над абсурдностью войны, в контексте которой разворачиваются события.

В другой истории, также взятой из сборника шванков, рассказывается, как Тиль чудесным образом «исцелил» множество тяжелобольных, сказав им, что для того, чтобы он мог изобрести лекарство, необходимо пожертвовать самым больным из них. Никто не соглашается отдавать жизнь ради спасения других, поэтому все они убегают. Эта история также может быть интерпретирована в контексте военных событий. Люди, одержимые разрушительной болезнью, именуемой войной, ослеплены своим недугом и не способны пожертвовать чем-то во благо других. Кроме того, они также слепо поверили в то, что Тиль действительно может им помочь.

Таким образом, Тиль в романе Д. Кельмана, как и его предшественник из народной книги, представляет собой сложный и многогранный образ. Прежде всего, Тиль является фигурой, отражающей кризисное состояние эпохи. Исключительность этого персонажа позволяет ему выступать в роли двигателя сюжета. В некоторых аспектах он схож с Тилем из народной книги: для него также характерен статус социального аутсайдера, он не лишен озорства, он обладает свободой шута, его поступки также можно трактовать в дидактическом ключе. Однако в отличие от средневекового Уленшпигеля, который, хоть и отличался хитростью и интеллектуальным превосходством над другими, не мог быть понят как «мудрый дурак» и не стремился с помощью своих выхонок научить людей чему-то, Тиль в романе Кельмана может быть интерпретирован как просветитель. Кроме того, Тиль является воплощением связи между смертью и смехом во время войны. Он смеется над смертью и отдает дань уважения только смерти. При этом яркой чертой Тили является его воля к жизни, которая позволяет ему выжить в любой ситуации.

Библиографические ссылки

1. *Кельман, Д.* Тыль / Д. Кельман. Пер. з ням. В. Ч. Гронскай. — Мінск : А. М. Янушкевіч, 2020. — 332 с.
2. *Bohlen, T.* Der Narr im Karneval. Kehlmanns „Tyll“ als Aufklärer und Hugos „Quasimodo“ als Paradebeispiele [Internet] / T. Bohlen, K. von Werne. — Zugriffsmodus: <https://lbz.rlp.de/de/ueber-uns/publikationen/virtuelle-ausstellungskataloge/karneval-in-der-kultur/der-narr-im-karneval-kehlmanns-tyll-als-aufklaerer-und-hugos-quasimodo-als-paradebeispiele/>. — Datum des Zugangs: 13.12.2021.
3. *Coenraads, T.* Bogen spannen, wo keine sind. Zur Beziehung zwischen Literatur und Geschichte in Daniel Kehlmanns Roman Tyll [Internet] / T. Coenraads. — Zugriffsmodus: https://theses.uibn.ru.nl/bitstream/handle/123456789/8011/Coenraads%2C_P.T._1.pdf?sequence=1. — Datum des Zugangs: 12.12.2021.
4. *Kaindlstorfer, G.* Daniel Kehlmann über „Tyll“: Der Anarchist mit der Schellenkappe. [Internet] / G. Kaindlstorfer. — Zugriffsmodus: https://www.deutschlandfunk.de/daniel-kehlmann-uebertyll-der-anarchist-mit-der.700.de.html?dram:article_id=401191. — Datum des Zugangs: 11.12.2021.
5. *Kehlmann, D.* Tyll / D. Kehlmann. Hamburg, 2017. — 474 S.

6. *Maeding, L.* Eulenspiegel im Krieg: Der Narr und die Erzählungstradition in Daniel Kehlmanns Roman *Tyll* [Internet] / L. Maeding. — Zugriffsmodus: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/glal.12266>. — Datum des Zugangs: 11.12.2021.
7. *Schabernack, A.* Schabernack über Schabernack: Till Eulenspiegel in deutschsprachigen Komödien des 19. und 20. Jahrhunderts [Internet] / A. Schabernack. — Zugriffsmodus: <https://unipub.uni-graz.at/obvugr/hs/content/titleinfo/224223/full.pdf>. — Datum des Zugangs: 29.11.2021.
8. *Sevim, B. A.* Fiktion und Realität in Daniel Kehlmanns neuestem Roman „*Tyll*“ [Internet] / B. A. Sevim. — Zugriffsmodus: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/1209884>. — Datum des Zugangs: 10.12.2021.